

— Девушка подготовила для вас подарок к празднику Юаньцзе, — понизив голос Дядюшка Ван, придерживая фонарь. — Сама нарисовала, потратила несколько бессонных ночей.

— Кто вы? — спросила Цзиньсю, приглядываясь. — Лицо знакомое.

— Я старый слуга из Нефритового терема, — ответил Дядюшка Ван. — Месяц назад, когда госпожа приезжала выкупать девушку, я был там кучером. А вчера прибыл в Двор Бамбука, чтобы служить Пинь-нян.

Цинь Цзюнь кивнула, плотнее запахнула плащ и украдкой зевнула.

В восточном флигеле уже зажгли свечи и растопили жаровню — здесь было куда теплее, чем в боковом дворике.

Дядюшка Ван остался у дверей. Цзиньсю сказала:

— Ступайте. Посмотрите, не нашёлся ли лекарь, а потом вернётесь.

— Слушаюсь, — отозвался он.

Цинь Цзюнь тяжело вздохнула и шагнула в главную комнату, где за ширмой располагалось спальное ложе.

В комнате никого не было, и взгляды Цинь Цзюнь и Цзиньсю невольно устремились к кровати за ширмой.

«...»

— Я посторожу у дверей, — вдруг сказала Цзиньсю. — Позовите, если понадобится вода.

Дверь флигеля снова закрылась. В комнате воцарилась тишина, и за ширмой теперь было слышно лишь дыхание — неровное, прерывистое.

Цинь Цзюнь замерла за ширмой в нескольких шагах от входа, совершенно остолбенев.

— Праздник Нового года, — раздался голос Цзи Сы, полулежавшей на кровати за ширмой. Она указала на перегородку. — Госпожа довольна подарком своей служанки?

Над этой картиной Цзи Сы корпела ночами, потратила несколько дней и закончила как раз два дня назад, перед тем как переехать в Двор Бамбука.

Цинь Цзюнь молчала.

Картина была прекрасна, замысел изыскан... но на бумаге, натянутой на ширму, слева направо были изображены полуодетые красавицы — самых разных статей, каких только можно представить.

С того места, где стояла Цинь Цзюнь, были видны не только изображения, но и сквозь полупрозрачную ткань ширмы, в просветах между фигурами, угадывались очертания тела на кровати — соблазнительные изгибы, смутные, но оттого ещё более волнующие.

— Не заболел ли я, госпожа вряд ли удостоила бы меня визитом, — с подавленным стоном проговорила Цзи Сы. Её прерывистое, тяжёлое дыхание и сдавленные всхлипы были отчётливо слышны. Цинь Цзюнь видела её, а она, в свою очередь, различала за ширмой тёмный силуэт.

Цинь Цзюнь потерла переносицу. — Как ты?

Цзи Сы:

— Пока жива.

Цинь Цзюнь молчала.

Цзи Сы продолжала:

— Хотя до смерти недалеко. Спасибо госпоже за заботу — даже специальный дворик подыскала, чтобы запереть меня здесь.

Цинь Цзюнь сглотнула. Она хотела возразить, но поняла, что Цзи Сы права. Отводя взгляд от того места, где за картиной должна была быть Цзи Сы, она пробормотала:

— Сама виновата... зачем было играть ту «Феникс ищет свою пару»...

Казалось, Цзи Сы рассердилась, её голос похолодел:

— Госпожа винит меня? Только за то, что я сыграла мелодию, из-за которой вам пришлось раскрыться перед семьёй как любительнице полировки зеркал?

Она слышала?! Цинь Цзюнь провела ладонью по лицу. — Не виню, не виню. Я привезла тебя сюда не для того, чтобы запереть. Я сама буду здесь жить, а ты будешь прислуживать мне. Вот и всё.

В комнате снова стало тихо. Тяжёлое, хриплое дыхание Цзи Сы внезапно затихло.

— Как именно прислуживать? — спросила Цзи Сы. — Так, как я думаю?

У Цинь Цзюнь перехватило дыхание. «...»

За ширмой и кровать, и человек на ней словно окрасились в двусмысленные тона.

— Я не могу подняться, — сказала Цзи Сы. — Прошу госпожу войти самой.

«...»

Прошло ещё несколько мгновений. Цзи Сы нахмурилась, и в её голосе прозвучала холодность:

— Чего же вы ждёте?

Цинь Цзюнь ничего не оставалось, кроме как сделать неуверенный шаг вперёд.

Высокая кровать с мягкими одеялами, украшенная к празднику.

Цзи Сы, объятая жаром ломки, выглядела так, что у Цинь Цзюнь сердце ёкнуло.

Цзи Сы действительно разыскала того слепого лекаря. В книге он должен был появиться только через три года. Тогда, стремясь поскорее избавиться от зависимости от Порошка мягкого аромата, она приняла его сильнодействующее снадобье. Оно могло восстановить подорванные порошком силы, но не облегчало зависимость от Порошка пяти минералов, а лишь усугубляло её. Приступы случались сначала каждые десять дней, через три месяца —

каждые двадцать, через полгода — раз в месяц. Чем больше времени проходило, тем мучительнее становились приступы. Полное избавление от зависимости занимало два-три года.

С каждым приступом росла озлобленность, характер менялся до неузнаваемости, и в конце концов она впадала в такую ярость, что не могла сдержаться и убивала.

Сжав губы, Цинь Цзюнь придвинула круглый табурет и села у изножья кровати, наблюдая за Цзи Сы.

Цзи Сы молчала.

На ней была лишь тонкая белая нижняя рубаха. Пот пропитал ткань, и та прилипла к коже, просвечивая телесным... а под ней угадывалась вышитая белыми сливами нательная повязка. Всё тело просвечивало сквозь ткань, соблазнительно полускрытое, словно «лютя, прикрытая половиной лица».

Цинь Цзюнь почувствовала неловкость. Её взгляд скользнул в сторону, и она едва не поперхнулась.

Оказалось, на обратной стороне ширмы был ещё один сюжет. Если спереди это было «полуприкрыто», то сзади открывался вид «как на ладони».

На картине одна женщина стояла впереди, другая — сзади. У первой были завязаны глаза шёлковой лентой. Уголки её губ были приподняты, брови слегка сведены — выражение лица передавало смесь нетерпения и наслаждения, почти искажённого блаженством. Вся она была покрыта испариной, шея выгнута назад, будто она отчаянно жаждала воды.

У второй же было игривое, сладострастное выражение. Распущенные длинные волосы, черты лица, отдалённо напоминавшие Цзи Сы. По щекам струились две прозрачные слезы, застывшие на подбородке, словно капли, готовые упасть с ветки. На лице — не то улыбка, не то страдание, не то радость.

Цинь Цзюнь остолбенела.

В древности и мужчины, и женщины носили длинные волосы. В эпоху Цинь-Чжоу в моде была утончённая простота, люди стремились к наслаждениям и ценили красоту. Все, независимо от пола, любили ухаживать за лицом, а некоторые мужчины даже стремились походить на прекрасных дев.

На этой картине люди были изображены так искусно, что пол их было не различить. Если бы Цинь Цзюнь нужно было определить, она бы сказала... что оба персонажа — женщины.

И что ещё важнее — та, что сзади, то ли в муках, то ли в экстазе, с каждым взглядом всё больше напоминала Цзи Сы.

— На картине изображены женщины, — вдруг произнесла Цзи Сы.

Цинь Цзюнь приоткрыла рот. «...»

— Это госпожа и я, — легко бросила Цзи Сы.

Бамх!

Цинь Цзюнь вскочила, и табурет с грохотом опрокинулся.

Цзи Сы, казалось, усмехнулась — коротко, почти как мираж.

Цинь Цзюнь побагровела и засуетилась, поднимая табурет.

Цзи Сы облизала губы. Её взгляд уже затуманился. Она вцепилась в деревянное ложе, пальцы побелели от усилия. — Я не знала, как выглядит госпожа, когда её охватывает страсть, поэтому добавила шёлковую повязку. Теперь вижу — это придаёт особый шарм.

— Я не... любительница полировки зеркал, — выпалила Цинь Цзюнь.

«Полировка зеркал» — так в древности называли отношения между женщинами. Цинь Цзюнь слышала об этом от Цзиньсю. В эпоху Цинь-Чжоу такое бывало, многие знатные девицы тайно встречались со своими «платочными подругами». Были и женщины, посещавшие публичные дома, но чаще они тайно вывозили куртизанок на сторону. А в некоторых знатных семьях жёны и наложницы вместе любовались цветами, слушали музыку, вышивали и играли в игры, живя в полной гармонии...

Цинь Цзюнь непроизвольно куталась в одежду. Уж наши предки знали толк в развлечениях.

Цзи Сы прищурилась, и в её голосе зазвучала насмешка:

— Раз уж мы зашли так далеко, разве госпоже не любопытно попробовать, каково это?

Цинь Цзюнь заёрзала. — Ты что, в припадке?

Цзи Сы:

— Ваша служанка ещё невинна. Прошу не гнушаться.

— Я не... не гнушаюсь, — дёрнулся уголок рта у Цинь Цзюнь. — Мне это и правда не нужно. Мне всего четырнадцать.

Цзи Сы высокомерно подняла подбородок. — В Нефритовом тереме девочки начинают принимать гостей с двенадцати. Женщиной становятся в пятнадцать, а многие выходят замуж и в четырнадцать.

Цинь Цзюнь молчала.

Цзи Сы облизала губы — тёмно-красные губы, розовый язык. Она облизнула их снова и снова, не отводя взгляда от Цинь Цзюнь. — Мне скоро шестнадцать, до настоящего шестнадцатилетия осталось два месяца. Разве я не ровня госпоже?

Цинь Цзюнь покраснела до корней волос. — Н-нет, не ровня.

Лицо Цзи Сы мгновенно потемнело. — Госпожа презирает меня?

Как на это отвечать? Цинь Цзюнь готова была расплакаться. Сказать «ровня» — и Цзи Сы превратится в волчицу и набросится. А вдруг, попробовав, найдёт её невкусной и тут же прикончит?

Цинь Цзюнь уже успокоилась. Лишь лёгкий румянец выдавал смущение. Она молчала, не поддаваясь на провокацию. Решила подождать, пока припадок у Цзи Сы пройдёт. С безумцами чем больше реагируешь, тем они неистовее. В конце концов, это всего лишь слова, она выдержит. К тому же Цзи Сы сейчас слаба и больна, у неё наверняка нет сил даже сесть, так

что...

Цинь Цзюнь слегка кашлянула и выпрямилась.

Цзи Сы, нахмурившись, смотрела на неё. Она попыталась приподняться на локте, но, потеряв силы, рухнула обратно на одеяло.

Цинь Цзюнь закусила губу. — Ты в порядке?

Цзи Сы на мгновение замерла, затем неловко пошевелилась. — Госпожа может смеяться, если хочет.

Цинь Цзюнь сжала губы. — Я не смеюсь.

Цзи Сы замолчала.

Цинь Цзюнь улыбнулась ей и достала из-за пазухи кошелёк с новогодними деньгами. — В последнее время у меня совсем нет времени. Это тебе. Желаю Пинь-нян бесконечной радости.

<http://bllate.org/book/16274/1465128>